

© 2006 г.

Т.А. ТИТОВА, В.Е. КОЗЛОВ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ТАТАРСТАНА

ТИТОВА Татьяна Алексеевна - кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного университета, КОЗЛОВ Вадим Евгеньевич - кандидат исторических наук, главный хранитель фондов этнографического музея того же университета.

С середины 90-х годов XX в. стало все более активно изучаться явление толерантности. Значимость этого явления подтверждена на самом высоком международном уровне, когда ООН объявила 1995 год "годом толерантности", а 16 ноября того же года приняла Декларацию принципов толерантности. В ней содержится определение толерантности, включающее: "обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и социальными группами; уважение и разнообразие различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям". Из этого определения мы и будем исходить в анализе проблематики нашего исследования, посвященного *этнической толерантности*,

В отечественной науке сложились два подхода к пониманию сути этнической толерантности. Первый, как правило, связывают с В.А. Тишковым, который трактует ее как "уважение" и "невмешательство" [1]. Другой подход, которого придерживается большинство современных российских исследователей, сформулирован Л.М. Дробижевой. Она определяет этническую толерантность как "готовность принять других такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия" [2]. Целесообразно учесть оба подхода с тем, чтобы расширить "поле" действия этнофоров, которые можно трактовать в качестве толерантных; это позволит не только шире, но и глубже изучить механизмы формирования как этнической толерантности, так и ее антипода - интолерантности,

Объектом исследования стали четыре *группы этнических меньшинств*, проживающие в городах Казань и Набережные Челны Республики Татарстан: *чуваши, украинцы, немцы, армяне*. Они отличаются от численно доминирующих татар и русских. До настоящего времени в республике не проводились исследования, целью которых было бы комплексное изучение групп этнических меньшинств, и этот факт имеет определенные объективные основания. Начиная с первых этносоциологических исследований в середине 1960-х годов, Татарстан рассматривался как регион полиэтничный, в котором татары (титовая этническая группа) и русские составляют в совокупности более 90% населения. Конечно, некоторые данные относительно групп этнических меньшинств можно было использовать из проводившихся в республике исследований последнего десятилетия [3]. Однако эти данные отражают отношение к малым группам со стороны этнического большинства. В частности, за рамками исследования оставались такие важные проблемы, как положение этнических меньшинств (в том числе их "самоощущение") в условиях политических и социально-экономических преобразований последнего десятилетия. Не затрагивались отношения социального меньшинства к этническому большинству республики, а также вопросы схождения

различия в их установках, предпочтениях в межэтническом взаимодействии. То есть, те вопросы, которые тесным образом связаны с выявлением реального уровня межэтнической толерантности в полиэтничном обществе. Подобная асимметричность в исследовательском интересе, как отмечают некоторые ученые (например, Н.М. Лебедева), характерна для социальной науки в целом [4].

Исследование этнической толерантности в указанных четырех группах этнических меньшинств Татарстана мы провели в декабре 2002 - январе 2004 гг. Выборка осуществлялась по методу "снежного кома", т.к. эти группы расселены диффузно. Отбор респондентов начинался с выбора нескольких "стартовых персон" - авторитетных людей, принадлежащих к данной этнической группе, представляющих ее разные слои. Такой отбор мог быть случайным (в бытовом смысле). Однако при осуществлении проекта мы часто обращались в культурные центры указанных этнических групп, правления общин, церковь или национальную школу, где можно было получить фамилии нескольких известных в среде исследуемого этноса людей. Как правило, сотрудники культурного центра предупреждали таких людей о предстоящем опросе, чтобы сформировать у них позитивную установку на сотрудничество. Затем среди них проводилось интервью, а в заключении их просили назвать несколько фамилий и адресов других представителей данного этноса, которые проживают в том же городе и к которым можно обратиться с просьбой ответить на вопросы исследования. Далее эта процедура повторялась еще и еще раз до тех пор, пока итоговая выборка не достигла установленной величины. Объем выборки - 600 человек (400 - из Казани и 200 - из Набережных Челнов). Выбор этих двух городов обусловлен, прежде всего, тем, что они наиболее ярко характеризуются полиэтничным составом населения.

В исследовании решали следующие задачи:

- выявление степени выраженности у представителей четырех изучаемых этнических групп "этноцентричной" идентичности, что, по мнению большинства специалистов, имеет отрицательную корреляцию с уровнем этнической толерантности (то есть чем отчетливее проявляется этот тип идентичности, тем ниже уровень этнической толерантности индивида или группы). Этноцентризм рассматривался в его более распространенной современной трактовке: не как базовый идентификационный механизм, а как характеристика качества отношений между группами [5]:

- оценка состояния межэтнических отношений в Татарстане представителями рассматриваемых этнических групп, в том числе отношение к ним со стороны этнического большинства. Это, по нашему мнению, является непосредственным индикатором уровня этнической толерантности в обществе;

- выявление согласованности установок рассматриваемых этнических групп как потенциального фактора внутриреспубликанской этнической стратификации по принципу: этническое большинство и консолидированное этническое меньшинство - в случае, если имеет место высокая степень согласованности установок групп этнических меньшинств при общей позитивной оценке друг друга. При этом не исключается асимметричность в опозиционировании их по отношению к другим этническому большинству.

Исходя из изложенного, было выдвинуто две гипотезы. Первая: четыре исследуемые этнические группы имеют различный культурно-исторический статус в республиканском общественном мнении, объективируемый неодинаковой степенью согласованности самооценок и приписывания со стороны этнического окружения. Это с высокой степенью вероятности будет отражаться на позициях, занимаемых представителями данных этнических групп, и, как следствие, отражать различный уровень декларируемой этнической толерантности (интолерантности) в их среде. В качестве исходных посылок гипотезы нами учитывался общеисторический контекст. Так, чувашки являются автохтонными жителями Среднего Поволжья, что во многом легитимизировало их культурную специфику и сказалось на количественных показателях в этнической структуре населения республики - 3,7% от общего числа жителей, по данным переписи 1989 г., и третье (после татар и русских) место среди этнических групп республики [6]. Предпочтения и оценки украинцев, в свою очередь, могут опираться как на историческую основу - их появление в Поволжье относится к XVIII в. [7], так и на культурную близость с одной из групп этнического большинства - русскими. У немцев отличия в занимаемых позициях и установках могут обуславливаться не столько историческими факторами, хотя их появление в крае также относится к XVIII в., сколько высоким экономическим и политическим статусом их этнической родины -

ФРГ, которая оказывает поддержку соотечественникам за рубежом, включая реализацию программ по их репатриации на родину. Что касается *армян*, то они не имеют количественных предпочтений по отношению к другим группам этнического меньшинства, не ощущают сколько-нибудь заметной поддержки со стороны этнической родины (скорее наоборот). Следует также учитывать высокий общественный резонанс так называемого кавказского фактора. Все это в совокупности, по нашему мнению, могло повлиять на различие позиций, установок и предпочтений представителей данной этнической группы в сравнении с другими рассматриваемыми группами.

Вторая гипотеза выступает своего рода продолжением первой и предполагает асимметричный характер толерантных и интолерантных установок и предпочтений со стороны представителей четырех рассматриваемых этнических групп в *отношении двух групп этнического большинства: татар и русских*. Связывали мы вероятную "асимметрию" с разницей в статусах (реальных и приписываемых) между титульной этнической группой (татарами) и второй по численности этнической группой - русскими. Разница эта обуславливается различиями в уровне политического представительства двух групп, а именно; существенными диспропорциями в представительстве в республиканских органах власти татар и русских в пользу первых, что, как мы полагаем, может влиять на восприятие этих этнических групп группами этнического меньшинства.

В качестве источника для анализа служили стабулированные количественные показатели ответов членов четырех указанных этнических групп на предложенные вопросы из "Вопросника по изучению групп этнических меньшинств в городах Татарстана" (автор и руководитель проекта Т. А. Титова) и материалы глубинных интервью с представителями этих групп.

Для выяснения степени выраженности "этноцентричной" идентичности у представителей избранных групп анализировались ответы респондентов на вопрос, в котором им предлагалось согласиться или не согласиться с теми или иными суждениями. Все они были разделены на четыре группы, согласно выделенным типам межэтнического взаимодействия (и одновременно типам этнической идентичности): 1) конфронтационный (соответствующий "этноцентричной" идентичности); 2) интеграционный ("позитивная" этническая идентичность [4. с. 29]); 3) этнонигилистический (этнонигилистическая идентичность); и 4) адаптационный (предполагающий ситуационную идентичность). Мы подчеркиваем достаточно условный характер типологизации. Учитываем также тот факт, что причины и следствия выделенных нами типов межэтнического взаимодействия и типов этнической идентичности могут иметь различную природу, особенно в случае, когда это относится к группам этнического меньшинства. Например, этноцентричная идентичность может носить характер защитной реакции на действия преобладающего иноэтнического окружения. А этнонигилистическая идентичность, являясь возможной формой латентной, "этноущемленной" идентичности, может принимать характер декларируемой ингрупповой интолерантности. Поэтому, анализируя полученные результаты мы старались не упустить причинно-следственную связь рассматриваемых явлений.

Для того, чтобы получить более четкую фрагментацию общей картины, рассматривались только положительные ответы респондентов по каждому суждению. К первому, обозначенному как конфронтационный тип взаимодействия, были отнесены следующие суждения; 1) "Я отношусь к людям, которые считают, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности"; 2) "... считают, что межнациональные браки размывают народ"; 3) "... раздражаются при близком общении с людьми другой национальности"; 4) "... считают, что любые средства хороши для отстаивания интересов своего народа". С первым суждением согласились респонденты из Казани и Набережных Челнов - соответственно; 3 и 1,7% чувашей, 5,4 и 9,4% украинцев, 5 и 0% немцев, 7 и 13,2% армян. Показатели по второму суждению выглядят так; 10,9 и 13,8%; 15,3 и 24,5%; 15 и 28,3%; 38 и 37,7%. По третьему - 4 и 1,7%; 5,4 и 7,5%; 4 и 1,9%; 0 и 3,8 %. С четвертой позицией согласились: 20,8 и 10,2% чувашей, 16,7 и 15,1% украинцев, 19 и 18,9% немцев, 27 и 22,6% армян. Полученные результаты свидетельствуют, что *этноцентрический тип идентичности* не является выраженным среди представителей рассматриваемых этнических групп; наиболее распространен он в группе армян. Самая большая разница между армянами и остальными тремя этническими группами зафиксирована в позициях, отражающих негатив-

ное отношение к межнациональным бракам и одобрение любых средств защиты этнических интересов своего народа.

Вторая группа суждений, отражающая *интеграционный характер направленности межэтнического взаимодействия*, представлена следующим образом: 1) "Я отношусь к людям, которые готовы иметь дело с представителями любого народа"; 2) "...предпочтут мирно договориться в межнациональном споре". Здесь положительную позицию заняли 83,2% чувашей, 76,6% украинцев, 83% немцев и 80% армян из Казани. Со вторым суждением согласились 86,1% чувашей, 78,4% украинцев, 87% немцев и 66% армян. В Набережных Челнах получены близкие к этим данные. Как видно, и по второй группе суждений, отражающих декларируемый группами этноинтеграционный потенциал, в группе армян зафиксированы отличия, которые свидетельствуют о специфичности их видения того, как должны строиться межэтнические отношения. В третью группу (так называемую *этнонигилистическую*) включены суждения, которые могли не только выявить, но и детализировать факторы проявления данного типа идентичности. Респондентам были предложены следующие суждения: 1) "Относитесь ли Вы к людям, которые нередко стесняются своей национальности"; 2) "...трудно уживаются с людьми своей национальности"; 3) "...никогда серьезно не относились к межнациональным проблемам". В первом случае положительно ответили 13,9% чувашей, 7,2% украинцев, 11% немцев, 4% армян. По второму суждению отождествляли себя с подобными людьми 7,9% чувашей, 2,7% украинцев, 5% немцев и 4% армян; по третьему - соответственно; 34,7%, 37,8%, 26%, 27%. Схожие результаты были получены и по г. Набережные Челны. Полученные данные свидетельствуют: "этнонигилистическая" идентичность имеет в изучаемых группах достаточно выраженный характер, принимая главным образом форму декларируемого дистанцирования от межнациональных проблем. Но присутствует (пусть и не столь заметно, как первая) другая форма "этнонигилизма" - внутригрупповой инфаворитизм, который может подразумевать либо "ассимиляционную", либо "маргинальную" этничность. В нашем случае внутригрупповой инфаворитизм более отчетливо выявился в группе чувашей. Украинцы и немцы заняли промежуточное положение, а в группе армян эти показатели были стабильно низкие,

И, наконец, *"адаптивному" типу* ("ситуативной" идентичности) межэтнического взаимодействия соответствовало суждение "Я отношусь к людям, которые в зависимости от ситуации ведут себя как представители разных народов", С этим согласились 21,8% чувашей, 18,9% украинцев, 18% немцев и 32% армян (данные по г. Казани). В Набережных Челнах представители указанных групп продемонстрировали практически одинаковый уровень "ситуативной" идентичности от 17% у армян до 19% у чувашей. Данные опроса в этом случае, на наш взгляд, могут и не отражать реальной идентичности индивида; это заметно, например, в группе армян, продемонстрировавших самый высокий из всех этнических групп уровень как "ситуативной" идентичности, так и "этноцентричной".

Еще один важный показатель состояния межэтнических отношений (соответственно и общего уровня толерантности в полиэтничном обществе) - это степень актуализации этнического в системе личностных идентичностей индивида. Наличие межэтнического напряжения, как показывают многочисленные исследования, резко повышает значение этничности в сознании людей и способствует их осознанию себя в качестве представителя этнической группы. Наоборот, благоприятный межэтнический фон способствует большей актуальности социальных и индивидуальных атрибуций. Для выявления иерархии личностных идентичностей нами используется известный тест Куна-МакПартленда. В "Вопроснике" использовался его модифицированный вариант, предполагающий 5 самоопределений (а не 20), отражающих иерархию так называемых "идентификационных матриц", т.е. неких обобщенных атрибуций. Полученные результаты показывают, что этничность, хотя и представлена среди личностных идентичностей абсолютного большинства респондентов всех рассматриваемых этнических групп в обоих городах, не является среди них наиболее актуальной. Напротив, она занимает лишь четвертую-пятую позицию из числа актуальных "идентификационных матриц", уступая достаточно серьезно в значимости таким, как профессиональная, семейная и субъективно-личностная идентичности. Цифровым эквивалентом важности той или иной идентичности являлся процент ответов респондентов, обозначивших характеристику среди трех первых.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить следующее:

1. Уровень "этноцентричной" идентичности среди представителей четырех рассматриваемых этнических групп оказался невысок. *"Позитивная" идентичность во всех группах была преобладающей*, что сказалось на достаточно высоком уровне декларируемой этнической толерантности.

2. Подтверждено предположение о *различиях* в позициях представителей рассматриваемых этнических групп и уровне этнической толерантности, заявляемой ими. В частности, в группе *армян* при высоком уровне декларируемой адаптивности отмечалось меньшее, в сравнении с другими, стремление к межэтническому компромиссу в случае возможного межэтнического напряжения. Это обстоятельство может свидетельствовать и об их более низком, чем у остальных этнических групп, потенциале к проявлению реальной этнической толерантности. Возможно, что причиной этого является специфичность положения, занимаемого армянами в современном татарстанском обществе, а также присущие им этнопсихологические особенности и имеющийся значительный исторический диаспоральный опыт. В отличие от армян у *чувашей* был отмечен более высокий, чем в остальных этнических группах, уровень внутригруппового инфаворитизма и соответственно внутригрупповой интолерантности, что, впрочем, не сказалось на общем уровне декларируемой ими этнической толерантности. Это, по нашему предположению, может свидетельствовать о наличии у части чувашей "ассимиляционной", а не "маргинальной" стратегии межэтнического взаимодействия. В противном случае это повлияло бы на общий уровень декларируемой ими толерантности в негативную сторону. Наш вывод подтверждают и результаты ответов респондентов на вопрос "Если Ваш брак национально-смешанный, то какую национальность Вы избрали или хотите избрать для своих детей?" 17,8% респондентов-чувашей предпочли бы "национальность супруга/супруги", и лишь 5,9%,- "свою" (из общих 34,7% состоящих в межнациональных браках в г. Казани). В трех других этнических группах подобное соотношение было обратным. Сходная ситуация была зафиксирована и в г. Набережные Челны.

3. Степень актуализации этничности в структуре личностных идентичностей абсолютного большинства среди всех представителей групп этнических меньшинств невысока. Этот факт, по нашему мнению, вполне согласуется с достаточно высоким уровнем декларируемой ими этнической толерантности.

Исследуя "самоощущение" и оценку своего положения (статуса) представителями рассматриваемых этнических групп в условиях численно преобладающего иноэтнического окружения, мы учитывали действие известной в социальной психологии "теоремы Томаса" [8]. Приведенные ниже данные отражают реальный уровень этнической толерантности *этнического большинства в его отношениях к этническому меньшинству*. С этой целью респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) "Собираетесь ли Вы сменить место жительства? Если да, то почему?" 2) "Приходилось ли Вам лично испытывать ущемление своих прав или возможностей из-за Вашей национальной принадлежности?" 3) "Если да, какова была Ваша реакция на подобные ситуации?".

В первом случае около половины респондентов во всех четырех этнических группах отметили, что собираются уехать из Республики (либо затруднились с ответом). В качестве основных причин такого решения большинство во всех группах назвало экономические факторы. Плохое состояние межэтнических отношений, ущемление своих прав и боязнь физической расправы в качестве причины возможной эмиграции отметили от 4 до 8% желающих эмигрировать. В Набережных Челнах эти показатели несколько ниже. Вырисовывается достаточно противоречивая ситуация. С одной стороны, собственно этнический фактор не является существенным при принятии решения о переезде представителями этнических меньшинств. А с другой, - причины, выступающие для большинства тех, кто собирается уехать, определяющими при принятии решения, вполне могут рассматриваться как проявление этнического неравенства в доступе к ресурсам, а значит, отражать и уровень реальной этнической толерантности в обществе. Несмотря на то, что индикаторы этого уровня в данном случае носят несколько опосредованный характер, последствия в виде достаточно большого числа потенциальных эмигрантов из числа представителей этнических меньшинств вполне конкретны.

Исследуя дискриминационный опыт различных групп этнических меньшинств, мы пришли к выводу, что испытывали ("часто" или "иногда") ущемление своих прав и возможностей из-за своей национальной принадлежности примерно 1/3 респондентов чувашской, украинской и немецкой национальностей в г. Казани (доля армян в этой категории несколько выше). В г. Набережные Челны примерно каждый четвертый- пятый из представителей этнического меньшинства имел определенный дискриминационный опыт. В такой ситуации важным индикатором состояния межэтнических отношений и уровня этнической толерантности становится не только восприятие и оценка отношения к себе представителями этнического меньшинства, но и их *ответная реакция на интолерантность* в виде определенного поведения и действий. Согласно нашим материалам, давали в подобных ситуациях соответствующий отпор или показывали несогласие (пусть и косвенно) 5% чувашей, 17,1 % украинцев, 13% немцев, 23% армян. Аналогичные результаты были и по опросу в г. Набережные Челны. Приведенные данные особенно интересны в связи с уже отмеченными особенностями установок в группах армян и чувашей. Первые продемонстрировали наибольшую из всех этнических групп готовность к ответным действиям, что соответствует и более выраженному в этой группе "этноцентричному" типу идентичности, но скорее в виде защитной реакции на групповом уровне. Чувашки же выделяются своей низкой (причем намного в сравнении с тремя остальными этническими группами) готовностью к ответным действиям в ситуации интолерантности и наибольшей из всех распространенностью закрытых форм несогласия. Подтвердилось предположение об имеющейся у части из них "ассимиляционной" стратегии, которая является индивидуальной по своему характеру [9], но при наличии объективных факторов может, как в нашем случае, принимать форму групповой стратегии.

С целью уяснения, какая из групп этнического большинства является более предпочтительной для реализации "ассимиляционной" стратегии, мы рассмотрели ответы на вопросы, отражающие *отношение групп этнического меньшинства к группам этнического большинства*: 1) "Насколько близко или далеко Вы чувствуете себя с русскими, татарами, кавказцами?" 2) "Считаете ли Вы, что люди какой-то национальности сейчас осложняют обстановку, создают трудности в Вашем городе? Если да, то люди каких национальностей?". Результаты ответов респондентов на первый вопрос показали имеющиеся у них различия в аффилиционных предпочтениях. Наши материалы свидетельствуют, что русские являются *более близкой группой этнического большинства для представителей всех четырех этнических групп*. Самый низкий общий уровень аффилированности с группами этнического большинства у армян. Они ощущают себя "равноудаленной" группой от татар и русских и наиболее близкими к "далекой" в целом для представителей трех других этнических групп категории "кавказцы", что дистанцирует их от этих групп. Каждый пятый из всех опрошенных считает, что есть такие национальности, представители которых осложняют обстановку в городе. Некоторая часть респондентов имеет достаточно четкое представление об интолерантной этнической группе в республиканском сообществе. По мнению большинства респондентов, такой группой являются татары (русских же подобным образом оценил лишь 1% респондентов).

По результатам *глубинных интервью* и в группе армян, и в группе чувашей нашли свое подтверждение тенденции, отмеченные при анализе количественных данных. При этом появилась возможность дать им более полную социальную и психологическую характеристику. В частности, межэтническая обстановка, особенно на начальном этапе инкультурации, воспринимается *армянами* (и не без основания) как достаточно враждебная. Поэтому естественно их стремление к внутриэтнической консолидации, в первую очередь, как отражение защитной социально-психологической реакции. Обратная сторона этой "защитной реакции" - коммуникативная интолерантность [10], при этом не воспринимаемая таковой самими армянами, поскольку для них это естественный стереотип реагирования, обусловленный этнопсихологическими и культурными особенностями. Результаты интервью с *чувашами* позволили уточнить наш тезис о наличии у них достаточно выраженной, "ассимиляционной" стратегии в отношении русских. Как показал анализ, носителями подобной стратегии выступают скорее женщины, чем мужчины. Объясняем мы это социально-экономическими факторами. При общем стремлении к повышению своего статуса как личного, так и группового, мужчины в современном российском обществе имеют больше возможностей, чем женщины

ны. Зато те, в свою очередь, могут реализовать свои "ожидания" путем вступления в межнациональный брак с представителем более высокостатусной этнической группы. Для женщин-чувашек такой предпочтительный брачный партнер - русский. По мнению чувашей, это связано с их религиозно-культурной близостью с русскими. При этом чувашами групповой статус своей этнической группы уже не воспринимается как значимый, а возможные обвинения в "предательстве" отменяются декларированием интернациональных, интеграционных ценностей. Заметим, что наш анализ относится лишь к городским чувашам, проживающим в условиях преобладающего иноэтнического окружения, и мы не вправе делать экстраполяции как на всех чувашей Татарстана, так и на тех, кто проживает в сельской местности. Тем более не проецируем подобные тенденции на весь чувашский этнос.

Немцы и украинцы по результатам выборочного опроса занимали, как правило, среднюю позицию, что не позволило выявить у них какие-то особые предпочтения и установки, способные тем или иным образом влиять на уровень их этнической толерантности. Интервью, проведенные с представителями данных этнических групп, позволили несколько прояснить их социально-психологические ощущения. Так, в группе *украинцев* (по их самооценкам) стала очевидна достаточно серьезная культурная дистанция между ними и татарами. Весьма характерны следующие высказывания: "Татарские националисты осложняют обстановку в городе" (мужчина, 1971 г.р.). "Мне трудно общаться с татарами. Может, они выросли в другой среде. С ними очень тяжело" (мужчина, 1984 г.р.). "Татары грубоваты. Режет слух татарская грубость" (женщина, 1936 г.р.). Большинство из опрошенных всех возрастов, особенно пожилого и среднего, говорили о том, что скучают по Украине, по людям, которые там живут. При условии реальной возможности они вернулись бы на родину, но, как сами подчеркивают, такой возможности нет, и они будут жить здесь дальше.

В группе *немцев* были отмечены схожие настроения. В целом немцы показали себя наиболее закрытой этнической группой и в абсолютном большинстве низко оценили перспективы своей этнической группы в Татарстане. "Я считаю, что у немецкой общины в Казани нет будущего. У большинства немцев есть стремление уехать" (женщина, 1934 г.р.). Этим, по нашему мнению, объясняется и некая индифферентность к проблемам, воспринимаемым другими этническими группами более остро. Немцы их просто рассматривают как скорее временные. Единственный фактор, который "спасает" местную немецкую диаспору от быстрого исчезновения, - это, как ни удивительно, межнациональные браки, которые, конечно же, не снимают вопрос о миграции, но влияют на ее сроки. Процент межнациональных браков у немцев значительно выше, чем в других этнических группах, рассматриваемых нами. Свыше 80% современных немцев-горожан в нашем массиве имеют инонационального брачного партнера. Именно этот факт, как мы думаем, также во многом определяет и высокий уровень декларируемой ими этнической толерантности.

В заключение сделаем некоторые выводы из исследования. "Этноцентричная идентичность" и коммуникативная интолерантность не являются выраженными у представителей рассматриваемых нами групп этнического меньшинства, что проявляется в *общей положительной оценке межэтнического взаимодействия*. В отношении к себе со стороны русских и татар респонденты всех четырех групп не отметили открытого проявления интолерантности. Однако значительное количество их представителей выразило желание сменить место жительства из-за низкой социальной мобильности, что может являться следствием совпадения социально-экономической стратификации с этнической. А это, в свою очередь, служит показателем так называемой "имплицитной интолерантности". Подобная ситуация характерна для современной России, и Татарстан в данном случае не исключение. Естественно, что в условиях серьезных социально-экономических трансформаций в полиэтничном государстве, сопровождающихся общим снижением уровня жизни населения, титульные этнические группы субъектов федерации оказываются в более предпочтительном отношении, нежели группы этнических меньшинств.

Продемонстрированный в ходе исследования представителями групп этнического меньшинства уровень декларируемой этнической толерантности достаточно высок, что мы связываем со следующими объективными факторами; относительно стабильным социально-экономическим положением Татарстана, взвешенной национальной

политикой руководства Республики, многовековыми традициями поликультурности, а также высоким уровнем межэтнической брачности в среде городского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тишков В.А.* О толерантности // Толерантность и согласие, М., 1997. С. 19.
2. *Дробижьева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы современности // Толерантность и согласие. М. 1997. С. 67.
3. Научные проекты; "Национальное самосознание, национализм и урегулирование конфликтов" (1993-96 гг.). "Этнические административные границы; факторы стабильности и конфликтности" (1997-99 гг. к "Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации" (1999-2001 гг.). Все проекты осуществлялись под руководством *Л.М. Дробижевой*. "Этническое самосознание и межэтническая толерантность в условиях полиэтничного города" (1998-99 гг.). Руководитель -Т.А. Титова.
4. *Лебедева Н.М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в пол и культурных регионах России и СНГ// Идентичность и толерантность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2002. С. 29.
5. *Соснин В.А.* Культура и межгрупповые процессы; этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. № 1. С. 51.
6. *Мустафин М.Р., Хузеев Р.Р.* Все о Татарстане. Казань; Татарское кн. изд-во, 1992. С. 21.
7. *Бусыгин Е.Л.* Русское население Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского университета, 1966. С.67.
8. См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность /Авт. проекта и отв. ред. *Л.М. Дробижьева*. М: Akademia, 2002. С. 15.
9. *Стефаненко Т.Г.* Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М.. 2002, С. 15.
10. *Хотинцев Ю.В.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург, 2000.